

— Арно Лабель-Рожу
«На руке дьявола».
Выставка «Сюрреализм и объект»
в парижском Центре
Помпиду (2014)

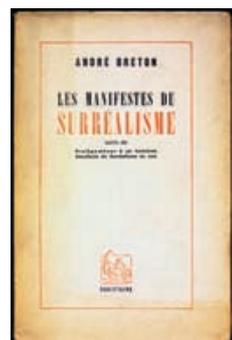
— Андре Бретон
у себя дома, 1966

— Часы Piaget, принадлежавшие Сальвадору Дали, 1973

— Часы Cartier, 2011

— Обложка «Манифеста сюрреализма»
Андре Бретона

— Выставка «Сюрреализм и объект»
в парижском Центре
Помпиду (2014)

— Часы Cartier, 2012

по полочкам, классифицировать весь мир — губительно для творческого поиска. Бретон вспоминает, как вместе с коллегой и другом Филиппом Супо ставил эксперименты над ранеными в своем госпитале. Он просил их говорить без остановки все, что придет им в голову, и переносил получившиеся тексты на бумагу.

Мечтой Бретона был поток сознания, сопровождаемый так называемым автоматизмом, когда рука без запинки следует за мыслью. Попутно Бретон критикует Достоевского за подробные описания обстоятельств места и времени — «уровень школьника», «пустая трата времени». Снисходительно хвалит Шекспира, достигавшего сюрреальности в «некоторых удачных местах». Превозносит многочисленных друзей-поэтов, большинство ныне накрепко забыто, и лишь пара-тройка — незаслуженно (больше всех жаль Поля Элюара, участника антифашистского Сопротивления: он дружил с СССР и часто издавался здесь, а для многих действительных гениев после 1991 года это удар по репутации). Художникам посвящен один-единственный абзац. Бретон видит сюрреализм во фресках ренессансного художника Паоло Учелло, который как раз-таки занимался строгими научными изысканиями в области геометрической перспективы, а значит, и ненавидящего Бретону ограничивающего разума. Из современников он выделяет Матисса, Пикассо, Андре Дерена, Жоржа Брака, дадаистов Марселя Дюшана и Франсиса Пика-

би, Мана Рэя, Макса Эрнста, «особенно близкого нам» Андре Массона. Последний вместе с Анри Мишо представлял собой наиболее полное соответствие изложенной Бретоном программе, делая живопись и графику на пересечении фигуративного искусства и каллиграфического письма. И конечно же, в манифесте упомянут итальянец Джорджо де Кирико, который еще до Первой мировой войны начал делать эталонно сюрреалистические композиции о пустых площадях островных городов Греции, вставляя абсурдистские детали (дым паровоза навсегда застывает в вертикальном положении) и мотивы, которые потом будут эксплуатировать десятки художников — например, манекены. Главным достоинством сюрреалиста по Бретону является талантливый пересказ сновидения. Во сне цепи разума спадают, во сне человек свободен. Конечно, в рассуждениях Бретона не обошлось и без Фрейда, которого основоположник сюрреализма боготворил. Фрейд проложил дорогу в область бессознательного, кипящую лавой иррациональных желаний за фасадом цивилизации, и сюрреалисты были первыми художниками, взявшими открытия венского психолога за основу своей работы.

И все-таки почему именно художники оказались наиболее эффективными выразителями основных идей сюрреализма? Наверное, разгадка — в особенностях нашего восприятия. Мы привыкли к тому, что тексты имеют узнаваемый план, грубо говоря, от завязки к конфликту и развязке, и переломить аристотелевскую эстетику не удалось даже самым литературно одаренным сюрреалистам. Живопись и скульптура дают нам вещи, существующие вне логики повествования, оттого-то и в самой невероятной куче предметов мы готовы сами увидеть смысл — неважно, существовал ли он изначально. К тому же художники-сюрреалисты имели множество предшественников, гениев макабра, в живописи Центральной Европы. Брейгель Старший и Босх уже использовали приемы парадоксальных связей объектов разного происхождения в жутковатые сюжеты на службе христианской морали. Последователи Бретона в искусстве продолжили этот путь на богатом материале современности, где все и так было смешано.

Первая, довольно скромная выставка сюрреалистов состоялась в Париже в 1925 году. С этого момента движение распространялось вглубь и вширь. В 1931-м «зараза» дошла до Америки, пять лет спустя опустилась на чопорный Лондон. Сюрреалисты неустанно нарушали все возможные табу, попутно изобретая все новые и новые способы производства и показа искусства. На Международной выставке сюрреализма в Париже в 1938 году Сальвадор Дали показал одну из первых инсталляций — «Дождливое такси», настоящий автомобиль с двумя манекенами внутри. В салоне шел дождь, по манекенам ползали улитки — в общем, очередной сон о красивой жизни, которая вдруг оборачивается скользким кошмаром. Кстати, к тому моменту отношения Дали и Бретона окончательно испортились. Бретон, как и другие европейские интеллектуалы, ненавидевшие фашизм, стремительно левел и дрейфовал от иррациональности к четкому и деловитому марксизму. Филипп Супо в 1931 году съездил на конференцию писателей в Москву и публично отрекся от сюрреализма, назвав его вслед за набиравшей обороты советской пропагандой свидетельством загнивания Запада. Дали же считал, что марксизм — «последнее дерьмо христианства», и заигрывал с нацистской символикой, не попадая, впрочем, в сети коллаборационистов. Мир все больше делился на темную и светлую стороны, Европа становилась небезопасной, и многие сюрреалисты перебрались в Америку. Там в 1942 году состоялась две выставки, окончательно утвердившие статус сюрреализма как искусства наиболее современного и глубокого. Галерея Пегги Гугтенхайм показывала шедевры из коллекции великой собирательницы, а тематическая выставка «Первые документы сюрреализма» в роскошной бальной зале особняка на Манхэттене давала максимально полное (50 художников из разных стран) представление о движении. Оформлял «Первые документы» Марсель Дюшан. Он поступил радикально: в громадном помещении была развешана паутина из веревки, затруднявшая и передвижение по выставке, и любованию картинами. Тем не менее выставка стала метафорой для сюрреализма — Америка попала в его паутину и не выбралась из нее до сих пор. Мэтью Барни, один из самых известных современных художников США, прямо наследует сюрреалистам и свободно заимствует у них идеи и мотивы. Впрочем, Америка не единственная страна, где сюрреализм до сих пор процветает. В России наследники Дали торчат в подземных переходах у ЦДХ, некоторые, поудачливей, выставляются внутри. Ну а самый сюрреалистический роман советского времени, «Мастер и Маргарита», не перестает очаровывать новые поколения школьников.